

В ночной тишине в горной долине невозможно было разглядеть дикие травы, но отчётливо виднелась густая тьма ночного неба, нависшая над пропастью между двух отвесных скал. Пока Фань Сянь завязывал разорванную левую штанину, приводя одежду в порядок, он мимоходом едва слышно сказал:

— Фамилия этой маленькой бессмертной Е, зовут Е Цинмэй.

— Е Цинмэй? — Сяо Энь был потрясён до глубины души. — Что ты сказал? Неужели хозяйка дома Е и есть та маленькая бессмертная, которую я повстречал у храма?

Когда дом Е стремительно возвысился, Сяо Энь всё ещё был главой разведки Северной Вэй, поэтому ему было известно имя настоящей хозяйки дома Е. Ничуть не удивившись этому, Фань Сянь улыбнулся и произнёс:

— Кто ещё, кроме той бессмертной, о которой ты рассказал, смог бы всего за несколько коротких лет при помощи дома Е полностью изменить ситуацию в Поднебесной?

— Ах вот оно как! Вот как! — Сяо Энь вновь закашлялся: — Ничего удивительного, что государству Цин удалось так стремительно подняться. Оказывается, за этим скрывалась тень Священного храма.

— Нет, — сказал Фань Сянь. — Ты на пороге смерти, поэтому я скажу тебе. Е Цинмэй — та, которую ты назвал маленькой бессмертной, — на самом деле вовсе не бессмертная из Священного храма, она... как и мы, обычный человек.

Сяо Энь всё ещё не пришёл в себя от первого потрясения и не поверил словам Фань Сяня, к тому же на самом пороге смерти он был охвачен последним сомнением:

— Зачем маленькой бессмертной понадобилось захватить меня и привезти в государство Цин?
— Будучи в те времена главой разведки, он, конечно, знал, как дом Е связан с Контрольной палатой.

Фань Сянь ответил:

— В то время государству Цин было необходимо устранить тебя. — Через какое-то время он продолжил: — Должен признать, что в то время ты был очень пугающей фигурой. И Е Цинмэй отправила Чэнь Пинпина захватить тебя, а не убить, должно быть помня о том случае на далёком севере. Ведь, скорее всего, только благодаря тому, что вы тогда пытались пробраться в Священный храм, ей удалось прийти в этот мир.

— А ты... тогда... кто? — кашляя, спросил Сяо Энь. Его глаза в ночной тьме пристально вглядывались в Фань Сяня, и этот взгляд был пронзительным, словно стрела.

У этого умирающего старикана всё ещё был настолько острый взор, Фань Сянь в душе невольно вздрогнул и, тихо рассмеявшись, сказал:

— Я? — Немного помолчав, он продолжил: — Я сын Е Цинмэй.

Сын Е Цинмэй... Фань Сяню хотелось громко заявить об этом всем в таком знакомом, но чуждом, родном, но изначально таком далёком от него мире. Однако ничего не поделать, пока он не мог этого сделать. Только сейчас, глубокой ночью, в самое тёмное время перед рассветом, в горной пещере, где кроме них двоих больше никого не было, Фань Сянь смог вот так вот тихо произнести это.

«Я сын Е Цинмэй».

По неизвестной причине, как только он произнёс эти слова, то сразу же почувствовал сильное облегчение. Его сердце, которому приходилось нести на себе слишком большой груз, в это мгновение освободилось от множества отягощающих пут. Пусть даже и всего лишь на короткое время, но он ощутил облегчение, а ночной ветер, принёсший аромат свободы, нежно окутал его.

Начало светать.

Воспоминаний Сяо Эня было не так много, но он очень медленно рассказывал, так что потребовался день и полночи, чтобы Фань Сяню наконец-то удалось выполнить самую важную часть этой поездки в Северную Ци. Он посмотрел на Сяо Эня и тихо спросил:

— Может быть, ты хочешь оставить последний наказ?

Сяо Энь лишь долго с очень странным выражением на лице смотрел на Фань Сяня, а потом наконец, с трудом дыша, сказал:

— Ты... её сын?

Фань Сянь кивнул и улыбнулся:

— У меня нет привычки признавать матерью кого попало.

Сяо Энь сильно закашлялся, собрал последние силы и, смеясь сквозь слёзы, сказал:

— Неудивительно, что ты столько всего знаешь; неудивительно, что тебя так интересует местонахождение Священного храма... — Умиравший старик наконец обрёл примерное понимание всего происходящего и продолжил с одышкой: — Видимо, эта пещера не удержит тебя.

— Привычки попадать туда, где остаётся только умереть, у меня тоже нет. — Фань Сянь уже был полностью готов и приблизился к Сяо Эню.

Сяо Энь вдруг уставился ему прямо в глаза и сказал:

— Если ты хочешь жить хорошо, не ходи в Священный храм.

Со спокойным выражением лица Фань Сянь ничего не ответил.

Сяо Энь больше не смотрел на него, а обратил взгляд на крутой обрыв и желтеющую долину за спиной у Фань Сяня. Он слегка нахмурился, словно пытаясь что-то ещё вспомнить, а потом, задыхаясь, тихо сказал:

— Раньше я считал себя жестоким человеком, который не боится смерти, которому нужна лишь свобода, но сейчас, когда смерть приблизилась вплотную, понимаю, что, оказывается, все люди боятся её.

— В этом мире нет никого, кто бы не боялся смерти. — По неизвестной причине, глядя на умирающего Сяо Эня, Фань Сянь расслабил правую руку и тихо сказал: — Но, возможно, смерть — это ещё не конец, может быть, ты попадёшь в другой, совершенно чужой для тебя мир.

Это был самый большой его секрет, самый тяжёлый из всех.

Направленный вдаль взгляд налившихся кровью глаз Сяо Эня вдруг смягчился:

— Ты правда сын маленькой бессмертной... нет, сын Е Цинмэй? — Не дожидаясь ответа Фань Сяня, Сяо Энь продолжил рассуждать: — Но ты совсем не похож на неё.

Фань Сянь ответил:

— Ты видел её лишь в четыре года, откуда тебе знать?

Сяо Энь чуть улыбнулся:

— Потому что по красоте тебе до неё очень и очень далеко.

Фань Сянь неосознанно наклонил голову набок и сказал:

— В этом мире действительно не так много женщин красивее меня.

— Выражение глаз не похоже.

— Чем не похоже?

Сяо Энь посмотрел на него и немного безразлично ответил:

— Я только сейчас понимаю, что тогда посреди безбрежной снежной пустоши, когда маленькая бессмертная смотрела на белоснежные просторы, в её глазах была нежность, печаль и сочувствие... Я никогда не мог подобрать нужных слов, чтобы описать, а сейчас, чувствуя дыхание надвигающейся темноты, я понял, что её глаза выражали лишь одно чувство.

— Какое? — Сердце Фань Сяня застучало быстрее.

— Горячую любовь и привязанность к жизни. — Сяо Энь, слегка улыбнувшись, сказал: — Хотя твои глаза часто красиво улыбаются, но совсем не так... Твоя мать, должно быть, была человеком очень глубоких чувств, а ты по природе бесчувственный.

Фань Сянь рассмеялся и ответил:

— Этого я отрицать не стану.

— Я за свою жизнь убил слишком много людей, поэтому не питал надежд на мирный конец. — Сменивший тему разговора Сяо Энь смотрел на чуть забрезживший на небе рассвет. — То, что я смогу умереть в этой пещере и обрету, как ты сказал, хорошую могилу, это уже неплохо.

Фань Сянь, полуприсев рядом с Сяо Энем, положил руку ему на плечо и обнаружил, что мышцы уже постепенно теряют тонус.

На небе за обрывом по-прежнему брезжил тусклый свет, но наполнивший долину туман словно явственно источал непорочное сияние. Это сияние нежно отражалось на старческом лице Сяо Эня, порождая ощущение, что этот одиноко проведший в горестях вторую половину жизни глава разведки, на чьих руках было столько крови, наконец-то обрёл избавление.

— В Даньчжоу, должно быть, нет тех двух финиковых деревьев?..

Это слова были последними, сказанными Сяо Энем в этом мире.

Фань Сянь вынул последнюю иглу из-под уха Сяо Эня и через мгновение удостоверился в его смерти. Чуть наклонив голову набок, глядя на умершего Сяо Эня, он вдруг тихо сказал:

— Хотя в Даньчжоу и нет двух финиковых деревьев, но... после смерти, кто знает, может быть, тебя действительно ждёт лучший мир.

Веки Сяо Эня уже мягко закрылись: налитые кровью глаза уже никогда не смогут посмотреть на эту странную Поднебесную.

Фань Сянь тяжело вздохнул и переложил труп Сяо Эня в самую дальнюю часть неглубокой пещеры. Фань Сянь не особо задумывался, заметит или нет тело горный стервятник и не сделает ли его своей пищей, поэтому действовал не беспокоясь.

Он вышел из пещеры, протянул руки и загрёб ими воздух. Белый горный туман проскользнул сквозь пальцы, и в его руках ничего не осталось.

Стражи в парчовых одеждах наверняка до сих пор искали трупы старика и юноши или их следы в долине и окрестностях. Никто и подумать не мог, что найдётся такой человек, который сможет, прыгнув вниз с крутого обрыва горы Яньшань, прочно удержаться на гладкой, как зеркало, поверхности скалы, и ещё более невероятным казалось, что кто-то сможет подняться по этой глянцевой влажной скале.

Фань Сянь, словно лист бумаги, плотно приклеился к скале; за его спиной клубился плотный рассветный туман, отлично его скрывая. Даже если бы кто-то смотрел в его сторону с противоположного обрыва, то всё равно не заметил бы, что кто-то, словно геккон, медленно ползёт вверх по скале.

В Даньчжоу с двенадцати до шестнадцати лет он целых четыре года упражнялся в управлении собственной истинной ци за пределами тела, что было крайне глупым способом тренироваться, но У Чжу не было до этого дела, а ему самому это нравилось. Кто бы мог подумать, что в будущем Фань Сяню это настолько сильно пригодится.

Поднимаясь по отвесной скале, как геккон, как змея, плотно прилегая к камню, он осторожно и медленно продвигался вверх. Его лицо ничего не выражало: действие хвойной пилюли уже давно полностью закончилось, истинной ци было не так уж много, поэтому он не смел

проявить неосторожность.

Редкая трава шевельнулась, рука зацепилась за камень рядом с обрывом, и полностью одетый в чёрную одежду для ночной маскировки человек, словно призрак, выполз из пропасти.

Лицо Фань Сяня тоже было скрыто; он повернул голову и увидел лишь тихую долину, где словно совсем ничего и не произошло. Через мгновение его сердце дрогнуло, взор устремился в сторону горного леса на той стороне, но за густым туманом он тоже ничего не смог разглядеть.

Ему почему-то казалось, что кто-то там смотрит на него: он словно ощущал физическое давление от этого взгляда.

Фань Сянь пригнул голову, развернулся и не задумываясь — ведь на это не было времени, — словно чёрная стрела, устремился в туман и помчался в сторону столицы.

Гао Да, держа в руках длинный меч, стоял перед входом во двор посольства и свирепо оглядывал пришедших людей. Молодой господин уже сутки не выходил из дома, поэтому чиновников Северной Ци, пришедших с визитом, не пускали на порог. Однако сегодня утром явился человек из стражи в парчовых одеждах, чтобы передать волю императора. Молодой император желал пригласить Фань Сяня во дворец для досужей беседы.

Людей, которые знали, что Фань Сяня нет в посольстве, не набралось бы и десятка. Шэнь Чжун отдал распоряжения стражам в парчовых одеждах, надеясь, что Фань Сяня действительно там нет. Из-за того, что после целой ночи поисков труп Фань Сяня так и не удалось обнаружить, среди людей Северной Ци наконец зародились подозрения и возникла необходимость проверить, где же всё-таки Фань Сянь.

Но кто же знал, что южане из Цин такие несговорчивые варвары и под предлогом, что Фань Сянь сильно пьян, ни в какую не станут соглашаться пустить чиновников в посольство. Противостояние грозило вот-вот обостриться, когда на перекрёстке послышался шорох.

Это было не шуршание метлы, а звук шаркающих ног. Все чиновники из Северной Ци замерли в изумлении.